

NEW DETECTIVE LINE

АННА
ДУБЧАК

НАТАЛИ

— А что за урод живет
за этими дверями?
— Там никто не живет.
Я же вам говорил уже, что
третьей этаж нежилый.
— Не хотите ли вы
сказать этим, что
здесь можно
встретить похищено
вертушечку?

Ясновидящая

Анна Дубчак

Натали

«Автор»

2009

Дубчак А.

Натали / А. Дубчак — «Автор», 2009 — (Ясновидящая)

Пианистка Наталия – странный детектив-любитель. Попалось сложное дело? Она садится за рояль. Играет. И разгадка преступления приходит словно сама собой. Но теперь в беде – сама Наталия. Ее похитили и увезли в таинственный дом где-то в Европе. Похититель – богатый француз Ги Дюпон – готов не только обеспечить ей роскошь и комфорт, но и заплатить огромные деньги... в обмен на помощь в расследовании загадочной кражи, случившейся у него на вечеринке. Почему же ее не попросили взяться за это дело по доброй воле? Зачем устроили странную комедию с похищением? Наталия понимает – Дюпон лжет ей. Но чего же он хочет в действительности?

© Дубчак А., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анна Дубчак

Натали

Глава 1

Золотая клетка

– Natalie...

Она открыла глаза.

Она впервые слышала этот голос.

– Bonsoir, Natalie...

Она попыталась поднять голову с подушки, но так и не смогла: голова оказалась слишком тяжелая... Прямо над ней склонилось женское лицо, девушка улыбнулась и повторила приветствие, кажется, она сказала по-французски «добрый вечер».

И откуда ей известно ее имя? «Где я?»

– Где я? – Она все же произнесла это вслух. А как же иначе она сможет узнать, кому принадлежит эта роскошная розовая спальня и эти шелковые простыни?

– Я рад, что вы наконец проснулись...

Этот голос уже принадлежал мужчине. Он сидел неподалеку от нее и внимательно наблюдал за ее пробуждением. Ему было что-то около пятидесяти. Холеный брюнет с седеющими висками и приятной полнотой, спокойными карими глазами и тонкими губами, какие бывают подчас у капризных, но в общем-то добрых людей. То, что он был не русский, выдавал его совершенно чудовищный акцент.

«Я должна была лететь в Париж...»

– Вы у нас в гостях. Ничего не бойтесь, мы не причиним вам зла, – говорил господин, уже слегка наклонив голову, словно для того, чтобы получше рассмотреть ее.

Наталия подтянула к подбородку простыню и едва сдержалась, чтобы не натянуть ее себе на голову: кто знает, может, это все ей только снится?

Но таких высоких лепных потолков, какие бывают разве что в петербургских дворцах, в городе, где она жила, не было. Как не могло быть и таких монументальных кроватей с балдахинами и шелковыми кистями по углам.

– Вообще-то я не собиралась ни к кому в гости... – сказала она и почувствовала жжение в горле. Она словно высохла изнутри, ее тело просило воды. – Дайте мне попить... Я слаба, у меня сильно болит голова, а вы сидите здесь и ухмыляетесь, как кот... Кто вы и что вам, черт возьми, от меня нужно?

– Гаэль! Принеси нашей гостье воды.

Гаэль – та самая девушка, которую Наталия уже видела несколько минут назад, – принесла стакан с водой.

– Мадемуазель уже лучше? – спросила она с очаровательной улыбкой. Во всех движениях этой девушки было столько подобострастия и энергии, а во взгляде готовности услужить и показной заботы, что Наталия сразу поняла: перед ней служанка ли, горничная, но, как ни странно, русская. «Если я в Париже, то она из эмигрантов».

– Надеюсь, что вам хватит два дня на то, чтобы отдохнуть, прийти в себя и привыкнуть к новой для вас обстановке. Мне понятен ваш тон, да, вы не ошиблись, дорогая Натали, вы в плену. Но мы приложим все силы к тому, чтобы ваш плен не показался вам уж слишком мрачным. Ваша тюрьма находится как-никак в Булонском лесу, здесь свежий воздух, приятное

общество, мягкие постели и хорошая еда. Это пока все, что вам полагается знать. Через два дня вы узнаете чуть больше... А пока – до скорого свидания...

И господин стремительно вышел из комнаты.

Наталия посмотрела на стоящую рядом с ней Гаэль.

– Ты русская? – спросила она ее.

– Да, мадемуазель.

– Тогда ущипни меня...

Завтракать на закате, да еще и в плену – что может быть приятнее?

Наталия сидела совершенно одна в огромной гостиной за большим овальным столом, накрытым белой кружевной скатертью. Повсюду горели свечи, огонь отражался в серебряных канделябрах, хрустальной посуде, играл в графинах с винами и соками.

Гаэль, накрыв стол, исчезла, оставив Наталию наедине с жареным цыпленком, салатами, булочками, рыбой и грибами. Не страдая отсутствием аппетита и понимая, что ей предстоит борьба – причем не важно, за свое ли спасение или вообще за жизнь, – Наталия придвинула к себе тарелки и не спеша, с чувством поела. Выпила вина, несколько не боясь, что оно отравлено («Какой смысл меня травить сейчас, когда, если бы это было кому-нибудь нужно, меня зарезали бы раньше...»), и даже успев получить от этого завтрака-ужина удовольствие, встала из-за стола и подошла к окну. Это были настоящие французские окна, о каких можно было только мечтать: от пола и до потолка. Или почти до потолка. Но дивные, синие от густеющего прямо на глазах за стеклом ночного воздуха, от темнеющих деревьев, медленно раскачивающихся от легкого ветра, от звездного неба... Это было красиво до головокружения.

Она вспоминала.

Аэропорт и Логинов, целующий ее в щеку. В губы он бы не посмел: рядом стояли Сапрыкин, беременная Соня, Манджинян, Сара...

Она с самого начала была против этих проводов. К чему эта торжественность, ведь она улетала в Париж не по заданию ЦРУ или Интерпола. Она бросала всех этих несчастных только ради развлечения, каким ей представлялось путешествие во Францию. И если раньше она путешествовала тайно, поскольку не хотела травмировать Логинова непозволительной, по его мнению, для женщины свободой, и ей приходилось обманывать его, говоря, что она едет «к тетке в деревню, отдохнуть-расслабиться», то постепенно ей все же удалось отвоевать себе это право на свободу (хотя бы перемещения в пространстве). Что касалось остальных «свобод», то на это, к счастью, особого разрешения или благословения не требовалось: она умела жить сразу несколькими жизнями. «У тебя талант, – говорила Сара, от которой трудно было вообще что-нибудь скрыть, – раздваиваться, растравиваться... Когда-нибудь ты обманешь самое себя и забудешь об этом...» И она была права.

Мужчина, с которым она прожила уже около трех лет, был вынужден все это время находиться в постоянном напряжении: Наталия была непредсказуема и самодостаточна. Эти два качества не позволяли прокурору города Логинову расслабиться настолько, насколько расслабляются рядом со своими женами мужья. Он знал, что стоит ему только размякнуть, как Наталия моментально среагирует на это, показав, как кошка, острые когти. Она взбунтуется, осыплет его упреками и, что самое удивительное, в конечном счете окажется права. Да, он зарабатывает мало денег, да, у него не всегда все клеится на работе и много нераскрытых преступлений, да, он любит поесть-поспать, да, он подчас не может обходиться без ее помощи, да, ему от жизни нужно несравнимо меньше, нежели ей... Но это он, а это она. У каждого из них свое представление о жизни и о счастье. И если Логинову важно (а стало быть, и достаточно), завершив свой рабочий день, прийти домой, поужинать и лечь спать с любимой женщиной, то Наталии для полного счастья не хватает всего-ничего: нескольких миллионов американских долларов

в швейцарских банках, виллы на Средиземном море и двух сенбернаров, на которых верхом будут кататься их дети...

И здесь нет места для иронии: она за последний год заработала столько, сколько Логинов не заработал бы и за всю жизнь. Он это не то чтобы знал, он это чувствовал. Деньги ведь меняют человека: Наталия, к примеру, когда ее дела шли в гору, становилась все ленивее и ленивее, но зато она много смеялась и предавалась любви по первому же требованию своего прокурора. Если же дело не клеилось, она, исчезнув надолго из дома, работала на износ, находясь в том состоянии гончей на охоте, когда запах свежей крови будоражит и собственную кровь, заставляя забыть об остальном... Она будет возвращаться домой лишь чтобы утолить голод,лизать раны или, пожульничав и получив то, что ей было нужно, исчезнуть снова... Он знал, что она вернется, хоть и полумертвая, но придет, приползет, поделится с ним своей добычей, чтобы потом с чувством удовлетворения от собственной работы долго приходить в себя, отмокая в ванне с морской солью и эфирными маслами, а то и в молоке, заставляя Соню готовить для себя сложные высококалорийные восстанавливающие блюда.

– У вас похоронное настроение, – сказала она, поморщившись. – Хоть бы улыбнулись, что ли... Соня, ты сейчас заплачешь, я знаю... Но это же глупо! Я собираюсь хорошенько отдохнуть, всего-то! Сказали бы честно: Наташа, мы завидуем тебе черной завистью, придумали бы тебя здесь, прямо у трапа, чтобы не дразнила своим Парижем... Вот это, я понимаю, нормальные, здоровые чувства... Понимаете, не будь у меня таких наполеоновских планов, я бы купила и вам билеты, и мы бы вместе пошатались по Елисейским полям, поели бы жареной рыбки где-нибудь на берегу Сены в маленьком кафе, потанцевали бы в «Ротонде», поглазели бы на художников на Монмартре, поцеловали бы в губы Джоконду в Лувре и заплакали на русском кладбище в Пер-Лашез, но давайте отложим этот разговор на следующий раз... Мне надо присмотреть для начала квартиру где-нибудь в районе Триумфальной арки, а потом найти агентов по недвижимости, которые подыскали бы мне дом под Цюрихом или на берегу Средиземного моря...

Она куражилась, хохотала, подтрунивала над ними, и никому из них, конечно, и в голову не могло прийти, что она говорит чистую правду: за последнее ее дело господин Лерман заплатил ей пятьдесят тысяч долларов. Как не могло прийти в голову Логинову и его помощникам, что за добытую ею информацию Интерпол заплатил бы ей много больше, если бы она являлась его агентом. А уж то, что Наталия чуть не поплатилась жизнью, опускаясь под воду за капсулой, не знал вообще никто... Даже сам Лерман. Что касается Логинова, то он вообще думал, что Наталия все эти четыре дня находилась в салоне у Сары, которая занималась восстановлением кожного покрова затылочной части головы, куда Наталия была ранена месяц назад... А Наталия в это время ныряла на дно Химкинского водохранилища и ночевала на скамейке Северного речного вокзала в Москве...

Наталия вернулась к столу и взяла из вазочки черную маслину. Раскусила ее, вспомнила лицо Лермана, когда он взял в руки драгоценную капсулу... Капсула была тоже похожа на эту маслину. Только если бы ее надкусили, то уж половина Москвы точно осталась бы лишь на карте... Человеческий мозг почему-то с большим энтузиазмом создает разрушительные шедевры, нежели созидательные. Лучше бы придумали, как вырастить землянику размером с Останкинскую телебашню...

Наталия взяла из другой вазочки несколько ягод земляники и бросила их в сахарницу. Даже земляника в Париже необыкновенная, французская... «Нет в тебе патриотизма», – сказал ей как-то Логинов. «Я космополит, – рассмеялась ему в лицо Наталия, но потом, подумав немного, добавила: – Но я русский космополит...» Она любила уезжать из России, но любила и возвращаться. Она жила контрастами.

Она вздрогнула: прямо перед ней стояла Гаэль. В белом кружевном фартучке, как в фильмах Милоша Формана.

– Гаэльль, мне кажется, что меня пригласили на съемку фильма в духе Бунюэля... как-то все странно. Может, ты выпустишь меня отсюда?

– Меня предупредили, что мадемуазель любит пошутить, – ответила, улыбаясь, Гаэльль. У нее были черные волосы, голубые глаза, тоненькая фигурка, а в движениях сквозило изящество. Это было существо, испорченное цивилизацией, воспитанием и книгами. Ничего естественного, кроме разве что плоти. Непонятным оставалось одно: как могла такая изысканная девушка податься в горничные?

– Между прочим, я не шучу. Если выпустишь меня отсюда, я отблагодарю тебя...

– Нет-нет, об этом я тоже предупреждена. – Она продолжала улыбаться, как если бы они обменивались шутками или анекдотами. – Могу только сказать, что вы здесь на правах не просто пленницы, а почетного гостя... Правда, полностью лишено свободы... Но это только *пока*. Вас не должно пугать то, что вы заперты. Иногда это бывает полезно при работе. Так вас никто не отвлечет...

– О какой работе идет речь?

– А вот этого вы пока опять же таки не должны знать. Если вы помните, вас схватили в тот момент, когда вы останавливали возле Орли такси... Так вот, пришлось прибегнуть к небольшой химической атаке... И теперь ваш организм должен как следует восстановиться...

Она лихорадочно соображала: все правильно, она помнила, как сошла с трапа самолета, вышла из здания аэропорта и остановила такси. А дальше все провалилось... И еще эта головная боль. Но если ее схватили возле аэропорта, значит, кто-то в Париже был предупрежден о ее приезде и хорошо информирован обо всех деталях, связанных с этим перелетом, иначе... Но кому понадобилось все это?

Мысли работали довольно ясно. В Париж она полетела по собственному желанию. Об этом знали абсолютно все, вплоть до людей, не имеющих к ней вообще никакого отношения. Тот же Арнольд Манджинян. Помощник Логинова, такой же как и Сапрыкин. Но если Сережа Сапрыкин являлся женихом Сони, ее домработницы, то Манджинян был просто коллегой по работе Логинова.

Кто покупал билет? Да сама она и покупала. Какой резон было ее вообще красть, если обо всем на свете в принципе можно договориться цивилизованным способом, путем переговоров. Разве что ее приняли за какую-нибудь принцессу или наследницу огромного состояния?

Шантаж? Маловероятно. Кража с целью выкупа? То же самое: никто не знает о ее доходах, кроме Сары. Что касается ее бывших клиентов, то они больше всех заинтересованы в ее безопасности и здоровье. Она им нужна как воздух.

Ею заинтересовались как женщиной? Она, конечно, молода и не дурна собой, но чтобы из-за нее суетились сильные мира сего (а ведь именно таким людям мог принадлежать этот маленький замок, в котором она находилась), весьма сомнительно.

Оставалось одно: ее хотели нанять.

Господина звали Луи Сора. Он появился, когда Наталия готовилась ко сну. Примыкавшая к ее спальне большая ванная комната, выложенная розовым мрамором, выходила окнами в сад.

И в тот момент, когда Наталия вышла из ванной и накинула на плечи тяжелый белый халат, атласный, подбитый хлопковым мехом, ей показалось, что за окном идет снег... Было начало декабря, почему бы, собственно, не появиться и снегу? Но было во всем этом что-то неестественное: Париж всегда ассоциировался у нее с летом, солнцем и цветами... И откуда взяться снегу, когда на деревьях листья, на клумбах цветы, а на земле растет трава?

И в этот самый момент в дверь постучали, причем в дверь, соединявшую спальню с коридором. Это могла быть либо Гаэльль, либо кто-то ей неизвестный.

Она открыла дверь и увидела того самого господина с карими глазами, который произвел на нее довольно-таки приятное впечатление. И если бы она не знала, что находится в плену, то, возможно, пококетничала с ним.

– Для начала я вам представлюсь... Луи Сора... – Он взял ее руку и поцеловал. – Я знал, что вам пойдет этот халат... Как о вас заботится Гаэльль? Вам есть на что пожаловаться?

Он вошел и сел в большое, обитое красным бархатом кресло.

Рядом на массивном низком столе стоял огромный и роскошный аквариум с разноцветными рыбками. Он был подсвечен с двух сторон и казался нереальным, фантастичным...

Наталия села в кресло напротив и взяла в руку яблоко. Ей нравилось повсюду находить то яблоко, то конфеты, то коробочку с мятными пастилками...

– Если вас интересует моя голова, то вы должны понять: я могу симулировать месяцами, годами, говоря, что она у меня раскалывается, а то и вовсе притвориться мертвой или тяжелобольной. Но я, быть может, вам покажется это странным, чувствую себя превосходно, а потому хотела бы поскорее узнать, зачем я вам нужна и что вы собираетесь со мной делать. Если речь идет о трансплантации моих органов, то поверьте, они могут пригодиться вам в живом виде, то есть находясь у меня внутри. Органы как органы, ничего сверхъестественного...

– Если бы я и хотел трансплантировать ваш орган, то не задумываясь взял бы для себя лично ваш *мозг*...

Он сказал это так неожиданно, что Наталия побледнела, живо представив себе, как ей распиливают электропилой череп (брызги крови, костяная крошка, загустевшая от сукровицы, и истошный женский визг – ее визг, между прочим), раскрывают его, как ларец, и достают оттуда большими окровавленными руками дымящиеся серовато-розовые мозги... Ее чуть не стошнило от собственных ассоциаций.

– Зачем вам понадобился мой мозг? Ведь я, кажется, не лауреат Нобелевской премии и даже не Государственной... Голова как голова.

– Я вижу, вы и правда пришли в себя. Тогда перейдем к делу. Конечно, вы оказались здесь не случайно. Быть может, вы будете удивлены, но мы ждали вас достаточно давно, больше года... Искали и наконец нашли...

– Вы меня спутали с кем-то, или я похожа на королеву Елизавету?

– Успокойтесь... Нам понятно ваше волнение...

– Да почему, черт возьми, вы постоянно используете множественное число? Насколько я понимаю, передо мной вы в единственном экземпляре...

– Я представляю интерес одного физического лица, поэтому, употребляя множественное число, говорю как бы и от своего собственного имени, и от имени того человека... Надеюсь, вам теперь понятно?

– Дальше. – Она откусила от яблока и приготовилась слушать.

– Ни с кем мы вас не спутали. Ведь вы же Наталия Орехова?

– Да, это я.

– Учительница музыки.

– Все правильно.

– Но вы ушли из музыкальной школы, не так ли?

– Так.

– Почему, можно спросить?

– Надоело.

– Вы любите музыку?

– Да.

– Мне приятно с вами разговаривать. У вас ясное мышление.

– А у вас темное. Я жду...

– Хорошо, я вижу, что вы действительно готовы... Тогда не соблаговолите ли вы одеться и последовать за мной?

– Куда?

– Это на первом этаже, в гостиной... Там вы узнаете все.

– Но у меня же нет моих вещей... Вы куда подевали мои чемоданы?

– В гардеробе вы найдете все, что нужно... – С этими словами Луи Сора вышел, тихонько прикрыв за собой дверь.

Наталия уже открывала гардероб, то есть встроенный в стену шкаф, и была удивлена тем количеством нарядов, которые там увидела. Ей не понравилось, что она находится в чужой комнате, спит на чужой постели и ее окружают чужие вещи. Но на войне как на войне.

Она снова раскрыла дверцы и, сняв несколько вешалок с одеждой, обнаружила, что все платья и костюмы совершенно новые. К ним еще никто до нее не прикасался. Только рассмотрев их внимательно, она могла прийти к такому выводу. Но от этого у нее еще больше испортилось настроение: если бы эти платья принадлежали другой женщине, у нее еще оставалась бы надежда выбраться отсюда, но раз все эти шикарные вещи куплены *для нее*, то, похоже, ее задержат здесь надолго. Она и вовсе скисла, когда увидела в самом правом углу гардероба небольшое отделение, где обнаружила длинную шубу из горностая и шляпу из голубого соболя... На всех вещах висели ярлыки известнейших фирм мира...

Глава 2

Вид на Вогезскую площадь

Она вошла в гостиную в длинном красном платье и остановилась в дверях. Гаэлли, увидев ее, не смогла скрыть своего восхищенного взгляда.

У камина сидел Луи и курил.

– Отлично... Так я себе и представлял... – проронил он, любуясь своей пленницей. – Человек, который нашел вас, дал мне, оказывается, совершенно точные размеры...

Он подошел к ней, взял ее за руку и подвел к самому камину.

Огонь, пылающий в нем, почему-то не грел. Наталия испустила крик ужаса, когда увидела, как Луи, взявшись руками за каминную решетку, вдруг привел его в движение, словно это был не массивный старинный действующий камин, а дверь... И только спустя мгновение до нее дошло, что это был вовсе и не камин, а огромный телевизионный экран, встроенный в стилизованную под камин оправу. За «камином» оказалась еще одна комната. Там тоже был камин, но от него исходил настоящий жар. Справа от этого камина была дверь с прямоугольной черной решеткой. А рядом с дверью – стул. Луи пригласил Наталию сесть на этот стул и ободряюще улыбнулся ей.

– Не бойтесь... Вы так побледнели... Дело в том, что сейчас вы услышите голос того самого человека, по воле которого вы здесь и оказались. Вы не должны видеть друг друга, поскольку этот господин слишком известен в мире... Но и вас он не должен видеть, поскольку вы, как и он, свободные в принципе люди и оба имеете право на анонимность.

– Что это еще за глупость? – пришла в себя Наталия после потрясения с фальшивым камином. – Это я-то свободная?

«Пусть, пусть он посмотрит мне в глаза и скажет, что ему нужно... Я лично не боюсь. И мне никакая анонимность не нужна. Я не преступница, которой потом придется от кого-либо прятаться...»

– Это вам так только кажется... Дело в том, что в настоящее время вы, Натали, *наша*, то есть *моя*, собственность. И мне решать, должен вас кто видеть или нет. Мой клиент платит мне, а условия ставлю я. И перестаньте скандалить. Вы же сами сказали, что заинтересованы в том, чтобы поскорее начать работу...

– Мы не говорили ни о какой работе.

– Хорошо, тогда начну с самого начала. Вы оказались здесь потому, что один человек нуждается в ваших услугах. Ему известно о вашем даре. И он готов заплатить вам за вашу работу. Я же, как посредник, получу лишь комиссионные. Вот такая в целом схема.

– А что вы можете знать о моем даре, если я и сама-то толком о нем ничего не знаю...

– Вас посещают видения, связанные с определенными событиями или людьми, в зависимости от того, что вас волнует или интересует. Мы знакомы с несколькими людьми, которые уже пользовались вашими услугами и остались ими довольны. Но информация, сразу же оговорюсь, первоначально шла не от них, а потому вы можете смело и дальше продолжать работать на этих людей.

– Это вы про Интерпол? Тоска... – Ей вдруг стало все безразлично. Она даже не попыталась проанализировать, кто же ее так подставил. – Я не буду работать на вас, хоть режьте на куски. Я вас не знаю, это во-первых. А во-вторых, где гарантия, что после проведенной работы вы не убьете меня и не сожжете вот в этом самом камине? Я предпочитаю работать с проверенными людьми, это во-первых, а во-вторых, для того чтобы я чувствовала себя комфортно, мне нужна предоплата – ровно пятьдесят процентов всей суммы.

– Мы в курсе.

– Кроме того, у меня есть человек, который работает с клиентурой. Без него я и пальцем не пошевелю.

– А что вы скажете, если этот человек здесь?

– Человек, которого я имею в виду, не способен на такую низость, как воровство и подлость...

Послышался легкий шорох... Наталия повернулась и не поверила своим глазам: перед ней стояла Сара.

– Ну-ну, Наташа, успокойся... Здесь все чисто. Единственно, что тебе потребуется, – это немного поработать. Ты меня должна простить за все, что с тобой произошло, но всем известно, какой у тебя характер... Ведь ты же ехала отдыхать, а тут подвернулось такое дельце... Я не могла упустить такую возможность. Три миллиона франков на дороге не валяются.

Ей показалось, что это сон. Она закрыла лицо руками и попыталась сосредоточиться. Но когда она повернулась, чтобы подойти к Саре и отвесить причитающуюся ей оплеуху, ее в комнате уже не было.

– Теперь вы верите нам?

Она взяла себя в руки.

– Деньги! Полтора миллиона франков. – Она демонстративно протянула руку и застыла так.

Луи достал из кармана чек и протянул его ей. Она спрятала чек в карман.

– Это правда чек... Но наличные вы сможете получить лишь по выходу отсюда...

– Значит, уже завтра утром?

– Нет. Вам платят так много за сложность, которая и заключается как раз в том, чтобы вы вели свое расследование, *не выходя отсюда*.

– Вы смеетесь надо мной!

– Таковы условия работы. Информация слишком секретна и важна, чтобы ее можно было вынести из этих стен...

– Но ведь я все равно буду иметь к ней доступ... – От догадки у Наталии мурашки побежали по спине. – Вы все-таки убьете меня потом?

– Посмотрим, – ободряюще кивнул ей Луи и снова взял ее за руку. Подвел к двери с решеткой и три раза стукнул по ней.

Наталия слышала, как за дверью произошло какое-то движение: очевидно, кто-то вошел в соседнюю комнату и присел возле двери.

Наталия села на стул. Стало тихо и по другую сторону двери.

– Вы слышите меня? – услышала она низкий мужской голос. Человек говорил с еще более ужасным акцентом, чем у Луи Сора.

– Слышу. Прежде чем вы мне что-то скажете, я должна заявить вам: вы негодяй... А теперь говорите по делу... Только учтите, что я устала и хочу спать...

– Прошлым летом, а именно 12 августа 1996 года, в маленьком замке близ Арпажона была вечеринка, которую устраивал некий Фредерик Байе, писатель-публицист... Вечеринка как вечеринка, ничего особенного. Но именно там в одной из комнат меня ограбила женщина, назвавшаяся Изабель Гомариз.

– Каким образом? – Наталия мгновенно попала в сети. Любопытство уже пустило корни и заполонило всю ее полностью. Голос таинственного незнакомца, спрятавшегося за дверью, околдовал ее. Она уже видела и замок, и шумную вечеринку, и даже слышала музыку, бьющую по нервам... Только вот красавицу Изабель Гомариз (красавицу, поскольку Наталия была уверена, что женщина, носившая такое имя, просто не может быть некрасива) представить пока не могла: для этого необходимо было выяснить, что же именно она украла у этого господина. – Что она у вас украла?

– Одну штуковину, внешне напоминающую синий пластиковый цилиндр, маленький маркер, украшенный серебром с позолотой.

– И всего-то?

– Нет, дело, конечно, не в самом футляре... Понимаете, в этом баллончике, футляре, маркере, как угодно, находилось нечто, очень для меня важное.

– Капсула с радиоактивным веществом? – усмехнулась Наталия, вспомнив свое легендарное погружение на дно Химкинского водохранилища.

– Нет. Это другое вещество... Открыть этот маркер практически невозможно... Там есть одна хитрость. Для человека, нашедшего эту вещь, вещество не принесет ни вреда, ни, что самое главное, пользы. Оно нужно только мне. Но самое ужасное заключается в том, что именно на этой вечеринке я и купил его у одного человека за очень большие деньги. Он продал мне его для дела, а я, выходит, потерял...

– Что, если эта история появится в прессе? Это имеет отношение к вашей политической карьере?

– Я не политик.

Она поняла, что он не скажет, кто он.

– И вы хотите, чтобы я нашла этот предмет?

– Не только предмет. Мне нужна и та женщина.

– Но зачем?

– Этого я не могу вам сказать.

– А как скоро вы обнаружили пропажу?

– Примерно через час после сделки. Мы сидели с Изабель в библиотеке и разговаривали. Достаточно долго. После чего она, сославшись на головную боль, ушла, а я обнаружил, что у меня пропал маркер.

– А что, если вы его просто потеряли?

– Нет... Я больше нигде не был.

– А вы при Изабель доставали его, показывали?

– Не помню...

– Вы больше никогда не виделись с этой женщиной?

– Виделся.

– Тогда я ничего не понимаю... Почему же вы ничего у нее не спросили?

– Не мог... По разным причинам... И она исчезла. Мне необходимо ее найти.

– Хорошо... Как она выглядит?

– Первый раз она была в парике, это явно. Парик, правда, хороший, почти незаметный... Из настоящих, я полагаю, волос. Короткие светлые волосы, как у мальчика. Но второй раз она уже была с длинными рыжими волосами. Она необыкновенно красива...

– Вы думаете, что она взяла ваш драгоценный маркер случайно?

– Я не знаю... И это тоже предстоит выяснить... Понимаете, стоит найти ее, как я найду и маркер... Это все связано... Я не могу вам все объяснить...

– Биология? – спросила она.

Он промолчал. Затем послышался звукдвигаемого стула, и все стихло.

– Он ушел, – услышала Наталия над самым ухом и вздрогнула: она совершенно забыла о существовании Луи. – Вы патологически любопытны, Натали... Надеюсь, ваша задача ясна?

– Разумеется, только мне непонятно, неужели так трудно было найти женщину, когда известны ее имя и фамилия?

– Такой женщины в природе не существует. Мы пробовали ее искать через полицию.

– Понятно. Вы хотите сказать, что она назвалась другим именем? Что ж, это я тоже могу понять... Ну а теперь я могу поспать?

– Мой клиент хотел бы, чтобы вы немедленно приступили к работе...

– Немедленно? Но почему?

– Он считает, что сейчас, когда вы только что приняли информацию, самое время для работы...

– Хорошо... А где?

– Мы приготовили вам «Стенвейн».

Это был совершенный рояль, лучший в мире. Он стоял в большой, ярко освещенной комнате и сверкал своей черной лакированной поверхностью. Белейшие зубы-клавиши только что не клацали от предвкушения хорошей музыки.

Наталию оставили одну.

Она подошла и села за рояль. Прикоснулась к клавишам и, взяв первый аккорд, почувствовала, как ее просто уносит в мир звукового хаоса, какофонии, постепенно превращаемой в изысканную, умиротворяющую гармонию...

Она играла шестую прелюдию Скрябина и нервничала, как нервничал, наверное, сам Скрябин, переживая что-то личное и сумбурное... Размышления, подавляемые эмоциями, растворились в хрустально-прохладных звуках...

Ее дар заключался в видениях. Она должна была увидеть нечто, что имело бы отношение к тому, о чем она думает. Но как часто эти видения были настолько сюрреалистичны, что ей приходилось, увидев, к примеру, чье-то лицо, искать его по городу, сбивая ноги в кровь и роясь в газетных подшивках или наведываясь каждый день в морг...

Было так, что, закрыв глаза, она видела один лишь снег, и тогда ей становилось страшно, что ее дар потерян навсегда и что теперь она будет обречена вести серую и однообразную жизнь... Она больше всего боялась этой мышинной, знобкой серости...

А бывало и так, что, закончив играть, она видела на крышке рояля *физические доказательства реальности видений*. Такая вот абракадабра. Это могли быть капли дождя *из видений*, это мог быть окровавленный нож *из видений*... Судьба этих реальных вещей была по большей части похожа: они исчезали.

Звуковой ряд своих видений Наталия записывала на магнитофонную пленку: голоса, как правило, не стирались и помогали ускорить расследование. А один раз ей удалось сфотографировать появившийся в ее видениях портрет Фабра... Так была раскрыта тайна доктора Ошера...

Но тогда ее никто не ограничивал в движении. Она могла уйти из дома и самостоятельно искать убийцу или человека, которого ей поручили найти.

Разумеется, этим вовсю пользовался Логинов, и если раньше это Наталию раздражало, поскольку она считала, что он живет с ней лишь только для того, чтобы, пользуясь ее даром, раскрывать преступления, то потом поняла, что сильно заблуждалась на этот счет. Логинов любил ее. И как ей казалось, и она любила его. Но и она пользовалась его информацией, раскрывая *свои* дела и зарабатывая, таким образом, деньги на своих клиентах. Она жульничала в силу своих способностей и подчас выуживала ценную для нее информацию не только у Логинова, но и у его помощников. Кроме того, ей помогал Вася Романов, патологоанатом, которого она регулярно поила спиртным...

Но здесь, в Париже, она совсем одна. Сара-предательница не в счет. Она еще с ней разберется, если, конечно, выйдет отсюда живой...

И вдруг она стала задыхаться... Пальцы продолжали играть, но все ее тело свело судорогой, ее словно стало засасывать куда-то в сторону... Испугавшись, она оторвала руки от рояля и села, тяжело дыша и осматриваясь по сторонам... Она по-прежнему находилась в большой комнате... Вот только сейчас в ней почему-то пахло серой или порохом, словом, гарью... И еще... Шифоновая оборка на платье была оторвана и свисала до самого пола... Словно ее только что дернули со всей силы...

Она подумала об Изабель Гомариз...

И снова коснулась клавиш...

Ей показалось, что она перевернулась в воздухе. И, больно ударившись обо что-то, замерла, почувствовав невероятную легкость во всем теле. Голова еще кружилась, но в то же время она реально ощущала себя сидящей на стуле в совершенно незнакомой ей комнате. Здесь не было рояля. Зато стоял старый, потемневший от времени деревянный мольберт, вокруг которого прямо по полу были разбросаны большие гобеленовые подушки, пуфики, принадлежности женского туалета, туфли, клочки ваты, коробки с красками, бутылки с темной маслянистой жидкостью, старые кисти...

Пахло соответственно масляной краской, скипидаром и еще чем-то хвойным, в сочетании с ацетоном и... приторными духами.

«Газовая камера», – подумала про себя Наталия, понимая, что находится в огромной мастерской, принадлежащей, судя по всему, какой-то безалаберной художнице.

Большие окна впускали в мастерскую яркий теплый солнечный свет.

Наталия встала со стула, подошла к окну, выглянула на улицу и поняла, что находится где угодно, только не в России. Она внимательно смотрела на раскинувшуюся перед ней площадь, и вдруг память подсказала ей, что это знаменитая Вогезская, бывшая Королевская площадь, одна из достопримечательностей Парижа. И если в XIV веке она была местом прогулок аристократической публики и проведения дуэлей, то чуть позже стала знаменита тем, что на ней проживали такие известные личности, как кардинал Ришелье, Альфонс Доде и Виктор Гюго. Теперь же на Вогезской площади живут кинозвезды, продюсеры и финансисты...

Память услужлива, она выдает подчас информацию настолько подробно и по-книжному, что просто диву даешься, каким образом только умещается все это в маленькой голове, думала Наталия, находясь в странном сомнамбулическом состоянии и не зная, как реагировать ей на столь неожиданное перемещение в пространстве (если не во времени, этого она еще пока определить не могла).

Звук, похожий на всхлипывание, заставил ее обернуться. В мастерскую зашла заспанная девица в коротенькой кружевной рубашке. Растрепанные рыжие волосы, круглое симпатичное личико, усыпанное веснушками, пушистые ресницы, прикрывающие светлые глаза, белое тело, длинные стройные ноги...

Судя по тому, что девушка подошла совсем близко к Наталии, она ее *не видела*.

Девушка подошла к окну, встала, чуть ли не касаясь плеча невидимой гостьи, и распахнула его, впуская в душную мастерскую свежий, с запахом влажной листвы и цветов, воздух...

Она позвала кого-то на французском, и Наталия поняла, что она обращается к кому-то, кого зовут Кло, или Klotilda. На зов появилась невысокая плотная женщина с пылесосом в руке. Она, не обращая внимания на присутствие, судя по всему, хозяйки, принялась похозяйски прибираться в мастерской. Изредка обе женщины перебрасывались фразами, смысл которых был Наталии непонятен, хотя и связаны они были скорее всего с самой уборкой. Как это бывает в таких случаях: служанка ли, домработница ворчала, подбирая с полу мусор или вещи, а девушка-хозяйка в ответ на ее недовольные реплики швыряла в нее то чулком, то коробкой от печенья или конфет...

И вдруг все разом исчезло.

Закончилась прелюдия Скрябина. Наталия плавно сняла пальцы с клавиш и откинулась на спинку стула. Очевидно, кто-то, кто ждал ее приезда сюда и кто приготовил для нее рояль, поставил стул со спинкой сюда неслучайно. Ведь здесь должен был стоять круглый вращающийся стул, как положено у музыкантов. Значит, этот *кто-то* знал, что после видений она должна отдохнуть и облокотиться на спинку...

Наталия попыталась сосредоточиться. Итак, она только видела мастерскую художницы (хотя вполне вероятно, что это была подружка, сестра или жена художника, которого она *пока*

не увидела), с окнами на Вогезскую площадь. Значит, это имеет какое-то отношение к Изабель Гомариз. И стало быть, к исчезновению или краже маркера.

Она вышла из комнаты и направилась в *свою* спальню. По дороге она встретила Луи.

– По-моему, я вышел из гостиной как раз вовремя, – улыбнулся он. – Вы не желаете обсудить со мной то, что вы только что *видели*?

– Так это с вами я должна обсуждать все, что происходит в моей голове? – раздраженно спросила Наталия, чувствуя, что ее терпению приходит конец. А ведь это только самое начало.

– Да, я и приставлен, так сказать, к вам именно для этого. Вы будете мне что-то рассказывать, а уж мы сделаем выводы...

– Знаете, мне хочется сделать вам больно, – сорвалось с языка Наталии, когда Луи прошел за ней и в спальню. – Может, вы еще и ляжете со мной в постель, чтобы подсмотреть мои сны?

– Если понадобится, то лягу, – совершенно спокойно и все с той же улыбочкой ответил ей Луи. Он был в длинном шелковом халате и чувствовал себя, конечно, хозяином положения. Наверно, он мог бы расхаживать по этому замку и в голом виде, подумала она.

– Хорошо, тогда присаживайтесь, и я расскажу вам кое-что, а заодно и спрошу. Итак. Вы полностью лишаете меня возможности перемещаться, так?

– Разумеется.

– Тогда, если вы наняли человека, вы должны были и расспросить ту же самую Сару о моих методах работы, а она должна была вам рассказать, в свою очередь, что я всегда веду линию расследования *самостоятельно*. Если я вижу человека и мне надо его найти, то я выхожу из дома и ищу его. В прямом смысле этого слова. И если мне надо будет искать его под землей, то я сделаю все, что только в моих силах, чтобы залезть под эту самую землю... А как же, скажите на милость, мне действовать сейчас? К примеру, я только что *видела* девушку, каким образом я опишу ее вам и как мы будем ее искать? Кроме того, я нахожусь как-никак во Франции, где все приличные люди говорят на французском языке. Я этого языка не знаю, поэтому мне трудно определить, о чем они говорят, и как же мне поступать в таком случае?

– О, не беспокойтесь. Все уже давно продумано. Вы говорите мне все, что видели, а искать буду я и мои люди.

– Но к чему такие сложности?

– Мне бы не хотелось, чтобы мы постоянно возвращались к нашим условиям... Я ответил на ваш вопрос, а вы просто расскажите все, что вы видели. И все. Итак, я вас слушаю...

Наталия вздохнула, но, понимая, что все дальнейшие пререкания все равно бесполезны, рассказала Луи все, что она только что увидела.

– Не могли бы вы начертить хотя бы самый общий план расположения зданий на площади, чтобы мы смогли определить по виду из окон, где, в каком доме находится мастерская?

– Могу, конечно...

Луи протянул ей блокнот и ручку, которые он, оказывается, принес с собой в кармане. Наталия начертила все, что помнила.

– Ну как, вам что-нибудь понятно?

– Да... – Луи внимательнейшим образом изучил чертеж, поблагодарил Наталию и, пожелав ей спокойной ночи, ушел.

А она, чувствуя себя как никогда несчастной и одинокой, долго не могла уснуть, ворочалась на постели, представляя себе рыжую девушку из мастерской и размышляя над тем, какое отношение она могла иметь к делу Изабель Гомариз...

Глава 3

Два карлика

Утром за завтраком Наталия намекнула Гаэлль, что хотела бы поговорить с ней с глазу на глаз. Луи Сора, который сидел за столом напротив Наталии, понял это и усмехнулся, вытирая губы салфеткой:

– Если вы хотите привлечь Гаэлль, вашу соотечественницу, на свою сторону, чтобы с ее помощью сбежать отсюда, то должен вас предупредить, что у вас все равно ничего не получится: замок надежно охраняется, кроме того, он окружен высокой стеной, по верху которой пущен электрический ток. Дело в том, что хозяин этого замка – человек, с которым вы разговаривали вчера и который нанял вас, – очень богат, в замке много ценных вещей, произведений искусства, я уж не говорю о картинной галерее...

– Если он так богат, то зачем ему искать какой-то дурацкий маркер? Ну и жил бы себе спокойно в замке, женился, завел бы детей... И что же такого может находиться в этом маркере, что он не может обратиться за помощью в полицию, а прибегает к услугам таких сомнительных личностей, как я? Мне все это непонятно.

– В вашу задачу и не входит понимать. Вам надо *искать*. И я надеюсь, что уже после завтрака вы начнете свою работу...

«Идиот, – подумала Наталия, – как можно о таких вещах говорить как о работе? А если мне *не хочется* этим заниматься, что, если моя голова действительно занята мыслями о побеге? Ведь это так естественно».

После завтрака она вышла на террасу и поняла, что та стена, о которой говорил Луи, действительно очень высока. Она роскошна, оштукатурена, украшена башенками и чугунными ажурными узорами. Парк, или сад, окружающий замок, весной или в разгар лета, очевидно, полон зелени и цветов, чего нельзя сказать о декабре...

Наталия, стоя на крыльце и кутаясь в легкое пальто, которое она нашла в гардеробе, наблюдала за садовником, который расчищал от опавших листьев дорожки парка, складывал их в большие бумажные мешки, которые грузил потом на тележку и увозил в глубь деревьев, где у него дымился костер...

По обеим сторонам крыльца в больших мраморных чашах еще продолжали цвести белые, розовые и желтые хризантемы, хотя и видно было по их потемневшим стеблям и цветам, что и их успел прихватить морозец...

– Вы хотели поговорить со мной? – услышала она голос Гаэлль и очнулась от своих мыслей.

– Да, но ведь вы сами слышали, что сказал Луи... Он прав, наверно... И мне вряд ли удастся сбежать отсюда. Единственно, о чем я хотела бы попросить, так это убедить Луи в том, что навряд ли я сумею найти эту женщину, находясь в плену. И дело скорее всего в психологии, нежели в чем-то другом. Я не знаю, в курсе ли вы моего дарования...

– Да, я в курсе... Хотя и в самых общих чертах... – Гаэлль, похоже, замерзла, она в отличие от Наталии была в одном лишь зеленом свитере и длинной шерстяной юбке: щеки девушки порозовели, а кончик носа и вовсе покраснел... Но выглядела она превосходно.

– Раз вы в курсе, то должны понимать, что речь идет о сети ассоциаций, не более... Я и сама подчас не могу объяснить, по каким принципам работает мой мозг в момент этих видений, и все, что с ними связано. Но одно знаю точно: он выдает эту зрительную информацию лишь в том случае, если я действительно думаю о том, что меня интересует... Мне любопытно посмотреть в глаза преступника – и я иногда вижу его. Но когда я думаю о том, как мне поскорее выбраться из этого проклятого замка, то будет неудивительно, если мои видения будут

напрямую связаны со способом, как это лучше сделать. И уверена, что я сама себя в этом случае не подведу. Поэтому, если Луи Сора, решивший поиметь свои комиссионные на моих мозгах, проснется в одно прекрасное утро и узнает, что меня и след простыл, думаю, он осознает свою ошибку и весьма пожалеет о том, что держал меня взаперти. В конце концов, мы могли бы с ним заключить устный договор о той же работе, только на более удобных для меня условиях... Я вообще не понимаю, почему меня нельзя было нанять цивилизованным способом? Только в том случае я бы чувствовала себя более уверенной и более заинтересованной в исходе дела, нежели сейчас.

– Тогда почему бы вам самой не сказать об этом ему? Ведь я всего лишь служанка, – замялась Гаэлль. И она была права.

– Хорошо, считай, что я тебе ничего не говорила, – ответила резко Наталия и вернулась в дом с твердым намерением больше не обращаться к этой девице ни с какими просьбами. Ей заплатили и, верно, проинструктировали должным образом, раз она так держится. Пусть.

Она поднялась к себе, разделась и, понимая, что ей ничего другого не остается, как музицировать, с тем чтобы как можно скорее выбраться отсюда, вышла из своей комнаты и пошла по направлению к лестнице, ведущей на первый этаж.

Там, неподалеку от гостиной, как раз и находилась комната с роялем. Она уже опустилась на ступеньку, как вдруг услышала нечеловеческий крик... Это был и не женский, и не мужской крик. От ужаса у Наталии подкосились ноги...

Она медленно повернула голову в ту сторону, откуда он доносился, и увидела длинный коридор, тускло освещаемый матовым, льющимся откуда-то сверху светом.

Когда крик повторился, ей показалось, что у нее заболело все тело.

Она повернула и пошла в сторону коридора. Она еще не знала, что намерена делать, но природное (как бы сказал Логинов, патологическое) любопытство заставило ее пройти весь коридор до конца и упереться в узенькую маленькую лестницу, ведущую на третий этаж. О существовании третьего этажа она знала, поскольку еще вчера постаралась как можно больше осмотреть, увидеть, услышать, понять...

– Вы не заблудились? – услышала она голос Луи и вздрогнула.

– Нет, я только что слышала крик и пошла на него... Что здесь у вас происходит?

– Абсолютно ничего особенного... Крик вам показался, только и всего... А что касается третьего этажа, то он *нежилой*. И большего вам знать не полагается. И вообще, по-моему, вы должны находиться сейчас в музыкальной...

Она смерила его долгим взглядом, молча повернулась и пошла к лестнице. Через несколько минут она уже сидела перед роялем и думала о Изабель Гомариз.

И вновь она оказалась в мастерской художницы. И все-таки это была действительно мастерская именно *художницы*. Поскольку теперь эта рыжеволосая неряха стояла перед мольбертом, на котором был укреплен большой холст, разрисованный чем-то вроде сажи. «Уголь, это эскиз...» Эскиз. Только непонятно чего.

Однако у девушки был весьма одухотворенный вид. Да и одета она была уже более скромно: мужская синяя рубашка, на ногах черные плотные колготы и мягкие рыжие мокасины. Волосы сзади забраны в пучок и стянуты черной атласной лентой. Яркая лампа над головой освещает, помимо холста, поднятое кверху сосредоточенное личико девушки, усыпанное веснушками.

– Edith...

Кто-то позвал ее, и она точно очнулась, опустила голову и повела шеей, словно та устала держать в напряжении голову.

В мастерскую вошел молодой мужчина в синем пальто, видать, только что с улицы, поскольку на нем блестели капли...

Наталия приблизилась к окну: на улице шел дождь.

– Edith. – Он обнял девушку и поцеловал. Она ответила ему лаской и улыбнулась. По ее виду нетрудно было понять, что она безмерно рада его приходу и что теперь она не скоро вернется к мольберту...

«Edith – это Эдит».

Появившаяся так некстати в мастерской Кло сказала что-то про кофе, на что Эдит покачала головой, давая понять, что ей сейчас не до кофе.

И Наталия, закончив наигрывать какие-то несурзные арпеджио в ля-миноре, поспешила убрать пальцы с клавиш, позволив тем самым этой парочке заняться друг другом.

Главное, что она узнала, так это то, что художницу звали Эдит. И что у нее есть служанка Кло, или Клотильда, ну и конечно же, мужчина в синем пальто, которого она наверняка любит.

Об этом она рассказала Луи за обедом.

– Превосходно, – потирал он руки, думая о чем-то своем.

– Послушайте, вы хотя бы потрудились узнать, где находится эта мастерская и кому она принадлежит?

– Всему свое время. Мы уже почти нашли эту мастерскую, но там, как вы понимаете, частные владения, а потому что-либо узнать и тем более войти туда по меньшей мере сложно...

– Если бы вы меня выпустили отсюда, я бы уже знала об этой девице *все*.

– Это чрезвычайно самонадеянно, – улыбнулся ей Сора. Он обладал завидным аппетитом, Гаэлль едва успевала подкладывать ему на тарелку куски индейки, как он требовал положить ему «еще один кусочек», кроме того, он с такой легкостью одолел довольно-таки большого омара, что Наталия, которая была вынуждена быть свидетелем этого проявления гурманства и обжорства, почувствовала тяжесть в *своем* желудке. Словно это не Луи все это съел, а она сама.

– Это не самонадеянно... Послушайте, а вам не кажется, что еще немного, и вы умрете от переедания?

Она сказала и сразу же пожалела об этом: все-таки она находилась не у себя дома, а потому должна была вести себя прилично. А с другой стороны, с какой стати ей вести себя прилично, если с ней-то обращаются как с пленницей, рабой, которую то ли выпустят отсюда, то ли нет... неизвестно.

– У вас, у русских, разве принято вот так хамить за столом? – захохотал Сора. Он не обиделся на Натали, как она того боялась, а воспринял это с должным чувством умора.

– Русские... Что вы знаете о русских... И вообще, давайте не затрагивать национальный вопрос. Я думаю, что если бы я у вас на глазах съела дюжину индеек и выпила бочку пива или вина, то вы тоже не смогли бы удержаться и задали бы мне примерно такой же вопрос. Он сорвался у меня с языка... По-моему, это так понятно...

– У меня превосходный желудок, он может переваривать даже столовое серебро... Так что не переживайте по поводу моего здоровья... Кроме того, ведь это было все так вкусно... Надеюсь, что за ужином ничего такого не произойдет?

– Не уверена...

– Когда вы планируете следующий сеанс?

– Не знаю... не давите на меня. Это может плохо кончиться. Элемент насилия в таком деле чреват последствиями. И как вы до сих пор не поняли это?

– Вы еще не оставили мысль о побеге?

– Мне не хочется быть заживо изжаренной на вашей стене... Но то, что мне хочется выйти отсюда, не является, я думаю, для вас тайной.

Он невольно ргнул, и Наталия отвернулась от него.

– Извините, – сказал он, – но что поделать...

Наталия, покраснев от злости и отвращения, поспешила выйти из-за стола и, попросив Гаэлль принести десерт ей в комнату, вышла из гостиной.

Когда она поднялась по лестнице наверх, она снова услышала какие-то посторонние звуки. Но только теперь это были не крики, а стоны. И навряд ли они носили сексуальный характер. Кто-то страдал... И звуки доносились из левого крыла замка, откуда-то сверху, куда вела узкая винтовая лестница.

Пользуясь тем, что Сора еще долго пробудет за столом, она быстро миновала площадку между крыльями этажа, почти бегом пробежала вдоль тускло освещенного коридора, насчитав по ходу движения восемь дверей, и наконец приблизилась к лестнице, и когда уже поднялась на несколько ступенек, услышала шаги позади себя, обернулась и увидела стоящего внизу, в начале лестницы, маленького человечка. Она закричала от ужаса, ее качнуло, и она едва успела схватиться за перила, чтобы не рухнуть вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.